

Вторая часть секретного ключа — это координаты слепой зоны.

А то, что похитил Нин Вэй, было не чем иным, как инструкцией, раскрывающей, как «одурачить» или «парализовать» всю систему развертывания Проекта «Антипод».

Новое Союзное Государство было готово пойти на любые жертвы, лишь бы вернуть секретный ключ и устранить этот фатальный изъян, способный перевернуть весь проект с ног на голову. Однако остальные силы ничего об этом не знали и по-прежнему барахтались в густом тумане стратегической дезинформации, которую Новое Союзное Государство распустило на ранних этапах, свято веря, что этот ключ служит спусковым крючком для активации главного арсенального ядра Антипода.

Выражение лица Лянь И оставалось неизменным, но на самом деле на душе у него было далеко не так спокойно, как казалось со стороны.

Он понятия не имел, как Нин Вэй удалось расшифровать тайну, скрытую за секретным ключом, но раз уж тот узнал ее, то ни за что не отдаст просто так — ни за деньги, ни под угрозами. Напротив, оставшись в его собственных руках, ключ обеспечивал Нин Вэю максимальную безопасность.

Новое Союзное Государство не смело тронуть его, потому что стоило секрету раскрыться, как Проект «Антипод» будет полностью парализован; приграничные независимые штаты обнаружат эту смертельную брешь, и все стороны тут же воспользуются случаем развязать споры, спровоцировав невообразимую по своим масштабам войну.

В то же время приграничные независимые штаты, долгое время находившиеся под страхом и сдерживанием системы Антипода, тоже не решались его тронуть. Стоило им завладеть секретным ключом, как они мгновенно бы поняли всю подноготную. Штат, заполучивший его первым, немедленно оказался бы под совместным ударом всех остальных участников, а любая попытка тайной сделки с Новым Союзным Государством расценивалась бы как предательство и каралась кровавой расправой со стороны соседей. И что еще опаснее — никто не мог дать гарантию, что, пытаясь задействовать этот метод «паралича», он сам не станет первой жертвой вышедшей из-под контроля системы, устроенной ей без разбора.

Нин Вэй, будучи единственным человеком, кому было известно место хранения секретного ключа, казалось, угодил в окружение всех возможных сил, но на деле уже возвышался на самой вершине весов.

Пока он в порядке, все остальные могут спать спокойно.

Взгляд Лянь И потемнел, и он произнес:

— Ключ в твоих руках бесполезен.

Это была и угроза, и искушение, и в куда большей степени — прощупывание почвы.

В комнате поддерживалась комфортная температура, но Нин Вэй все равно зябко кутался в одеялок, засунув под него руки и ноги. Он долго молчал, прекрасно понимая, что отделаться так легко сегодня вечером не удастся. Чтобы получить право играть на равных с Лянь И, ему придется выложить козырь.

— Чип секретного ключа привязан к твоим биометрическим данным, — подняв голову, Нин Вэй прямо встретился взглядом с Лянь И. — Отпечатки пальцев, радужка глаза или ДНК — я понятия не имею, что именно.

Выслушав его, Лянь И наконец выдал совершенно неожиданную реакцию. Он на мгновение замер, затем отвернулся, тяжело вздохнул и усмехнулся.

До того как поймать Нин Вэя, до того как судно легло на обратный курс, до того как они вошли в этот подвал, у него в мыслях проскальзывало предположение, что Нин Вэй, возможно, действовал по воле роковых обстоятельств. Он то и дело объединял образ прежнего Нин Вэя с тем, что сидел перед ним сейчас, и помимо воли вспоминал того, кто некогда нежно и сладко улыбался,нося в сердце всю его смену настроений, холод и тепло.

Он даже по глупости поддался минутной жалости.

Злость и трудноописуемый вихрь эмоций мгновенно разлились от груди по всему телу.

Какой там Нин Вэй — это была лишь искусно вылепленная фальшивка. Тот, кто сидел прямо перед ним и только что произнес я не знаю, что именно, — шпион за чью голову на черном рынке давали больше десяти миллионов, первоклассный игрок по прозвищу Малыш Му, что под корень выкосил всю разведывательную сеть Восточного Альянса, мастер тонких психологических манипуляций, который даже будучи донельзя слабым и прикованным к постели, все равно отлично знал, как обезвредить противника одним ударом.

— Местонахождение секретного ключа запечатано в созданном мной цифровом почтовом ящике, — голос Нин Вэя звучал чисто и мягко, напоминая тихое шептание, но произносимые им слова разили ледяным холодом. — Оно привязано к состоянию моей личной безопасности. Пока я жив, открыть ящик не сможет никто. Если же со мной что-то случится, он немедленно разошлет данные на всеобщее обозрение объединенным организациям Восточного Альянса.

Нин Вэй вытащил руку из-под одеяла и неторопливым движением закатал рукав, обнажая полоску белоснежного тонкого запястья.

Близ пульса виднелся едва заметный бугорок — если не присматриваться, его и вовсе нельзя было разглядеть. Лянь И протянул руку, крепко перехватил его запястье и со всей силы надавил большим пальцем на бугорок.

Нин Вэй стерпел боль и даже не попытался вырваться, поясняя:

— Внутри имплантирован миниатюрный датчик, который подзаряжается за счет сердечного ритма и движений, а команды передает через биологические образцы.

Стоит его вырезать или сердцу остановиться, как цифровой почтовый ящик, не получив сигнала, тут же обнажит секрет.

— Неудивительно, — с вызовом бросил Лянь И. — В конце концов, в каждого из тех питомцев, что ты заводил прежде, было встроено ровно то же самое.

— Разве в письме прямо не сказано, что открыть координаты слепой зоны можно, только заполучив секретный ключ и мои биологические образцы? — Лянь И показалось, что он задал глупый вопрос. Но он все равно озвучил его.

Опустив взгляд на покрытое изящным узором одеяло, укрывавшее его ноги, Нин Вэй молчанием подтвердил догадку.

Лишь в этот момент Лянь И по-настоящему прочувствовал всю глубину изощренного ума первоклассного шпиона. Нин Вэй уже давным-давно накрепко привязал его к собственной колеснице, превратив в первую ступеньку на пути к собственной цели. Сам он больше не был преследователем — его швырнули на чашу весов рядом с секретным ключом в качестве разменной монеты, да и он сам превратился в часть ключа: живое существо, одно неверное движение которого взорвет всю заложенную нарывную мощь.

Но Лянь И не был рядовым человеком и даже в приступе ярости сохранял холодный рассудок. Сначала он поднялся с кровати, вернулся на диван и издалека какое-то время молча разглядывал Нин Вэя. Затем вытащил из кармана сигарету — всполохнул бледно-голубой огонек, похожий на бьющееся сердце, осветив холодные брови и глаза Лянь И.

Он тяжело затанулся, и густой дым окрасил его взгляд в холодные серые тона.

— Жажда смерти на нагорье, извинения на корабле — ни одно слово не было лишним, — голос Лянь И звучал ровно, но каждая фраза резала без ножа. — Сплошные проверки. — Он поднял глаза, и в его взгляде читалось полное понимание вкупе с пронзительным анализом. — Тот, кто сумел выбраться из этого ада на Острове Силин, и впрямь оказался непрост.

Растеряв последние крохи жалости и непонятливого раздражения, Лянь И снова обратился в стоящего на недосягаемой высоте судью.

Нин Вэй сжал пальцы в кулаки, храня молчание.

— Не рассчитывай, что Мьянманский независимый штат придет тебя экстрадировать, и не тешь себя надеждой, что другие государства станут выменивать твою шкуру. Здесь о тебе не

узнает никто, кроме меня.

— Раз уж умирать тебе не позволено, так живи здесь во тьме и безвестности.

Рядом с диваном стоял круглый пуф, в котором, к неожиданности, обнаружилось потайное отделение. Лянь И хлопнул по нему ладони, и тайник открылся.

Поскольку отделение было неглубоким, Нин Вэй отчетливо разглядел аккуратно разложенные в два яруса вещи. На первом ряду плотно лежали питательные батончики, а на втором — ровный ряд смазки и презервативов.

Длинные, сильные пальцы Лянь И скользнули по второму ярусу; зрачки Нин Вэя слегка сузились, но, к счастью, тот лишь провел по ним рукой и тут же вытащил пару питательных батончиков, швырнув их прямо перед Нин Вэем.

Глядя на Нин Вэя, он затянулся улыбкой:

— Сначала поешь, иначе потом у тебя не останется сил.

Нин Вэй уже давным-давно не пил ни капли воды, а за несколько дней заточения его подбородок заострился еще сильнее. Изможденный и обессиленный, с мягким, нежным лицом, он казался совершенно беззащитным — точно закланный агнец.

Лянь И наблюдал, как тот подцепил пальцами батончик, медленно разорвал упаковку и отправил кусок в рот.

Ел он крайне медленно, а кончики его пальцев отливали мертвенно-бледным синеватым цветом. В глазах Лянь И это выглядело не иначе как затягиванием времени.

— Ради того чтобы заполучить секретный ключ, ты целый год изошренно подыгрывал мне, — поистине тяжкий труд, нечего сказать.

— Однако мне любопытно: сколько же людей ты предал, выполняя каждое свое задание, и помнишь ли ты сам, скольким из них успел послужить постельным ковриком?

— Другие тоже обращались с тобой так же, как я?

Лелеяли словно возлюбленного и по глупости даже подумывали вывести все на чистую воду.

Нин Вэй лишь молча посасывал питательный батончик, не отвечая на вопросы, что походило на немое согласие.

Слова Лянь И становились все более ядовитыми:

— И каким по счету из них был я, м?

— Ладно, раз не хочешь говорить — молчи. В конце концов, то, что ты останешься здесь, не так уж плохо.

Лянь И поднялся с дивана, и его высокая крепкая фигура отбросила на стену несдвигаемую, тяжелую тень. Тень удлинилась, Лянь И подошел к кровати, склонился над Нин Вэем и ухватил его за подбородок. Большим пальцем он с силой надавил на побледневшие губы, вмиг заставив их распухнуть и покраснеть, превратив в спелые персики.

— Я еще никогда не пробовал низкосортных омег.

Надломленный наполовину питательный батончик соскользнул на простыню, дыхание Нин Вэя сбилось.

Раньше они делили ложе бесчисленное множество раз, и Нин Вэй неизменно твердил, что его железа от природы невероятно хрупка, но все равно без тени смущения обнажал ее перед Лянь И, позволяя впиться зубами. Привычки Лянь И в постели были далеко не самыми мягкими — он был резок и вынослив, однако перед лицом этой жертвенной покорности Нин Вэя в нем неизменно просыпалась беспричинная нежность.

Ему безумно нравилось оставлять на теле Нин Вэя всевозможные метки, словно какой-нибудь альфа, утверждающий права на свою территорию и ставящий клеймо принадлежности на любимом человеке. И лишь к железе Нин Вэя он относился иначе: изо всех сил сдерживал жажду поставить временную метку и лишь слегка прикусывал ее.

В постели Нин Вэй вел себя донельзя консервативно и невинно, в точности соответствуя собственному образу: прибыл из глухонки, строго воспитан, краснеет даже от поцелуев, не говоря уже о постельных делах, где любое малейшее отклонение от нормы доводило его до дрожи от стыда.

Именно этот образ заставил выдавшего виды и известного своими любовными победами молодого господина Ляня отдать ему сердце.

— Помню, тогда от тебя пахло цитрусами. И как тебе это удавалось? Кольнула фальшивые феромоны? — Лянь И наблюдал, как на лице Нин Вэя трескается маска невозмутимости, и в груди шевельнулось мстительное злорадство. — Вынужденно притворяться рядовым Омегой класса А изо дня в день — твоя железа вообще способна вынести такое?

— Интересно, выдержит ли твоя никчемная железа постоянную метку?

Нин Вэй перехватил Лянь И за запястье, силясь разжать его пальцы. Но маскировка и тонкие

расчеты ничего не стоили перед лицом абсолютной силы. Он с самого начала предвидел, какая участь ждет его в лапах Лянь И, однако переоценил его моральные устои и собственную способность сохранять безмятежное спокойствие рядом с ним.

— Низкосортную железу невозможно запечатлеть навсегда, — дыхание Нин Вэя становилось все более прерывистым. Рука Лянь И намертво зажала его подбородок и губы, а мозолистые от оружия подушечки пальцев давили с невыносимой тяжестью. — Об этом знает каждый...

Наслаждаясь тем, как рушится маска Нин Вэя, Лянь И подался всем телом вперед, и его обжигающее дыхание обожгло ухо парня, покрывая мурашками кожу на шее.

— Пару раз попробуем — глядишь, и выйдет, — бросил он.

Не успел затихнуть его голос, как он протянул руку и сорвал те самые два слоя подавляющих пластырей, наклеенных крест-накрест на затылке.

Из-за перегрузки очистителем обнаженная железа продолжала опухать, вздувшаяся посреди кожа натянулась почти до прозрачности, а края приобрели болезненный серовато-белый оттенок. Без сомнения, в таком состоянии железа не вынесла бы и одного укуса.

Лянь И вовсе не собирался останавливаться; он хладнокровно изучал ее, словно раздумывая, с какой стороны лучше вонзить зубы.

Предельная боль от вчерашней инъекции очистителя все еще не отпустила, Нин Вэй изо всех сил вцепился в руку Лянь И, и его тело, провалившись в шоковое оцепенение, зашло в неуправляемой дрожи.

<http://bllate.org/book/25857/3089310>